

Мой памятный 37-й

Сейчас много пишут, публикуют, говорят о времени сталинщины, связанном с небывалым развитием карательных органов государства в нашей стране — НКВД и прокуратуры. В стране в 1937 году господствовал массовый психоз — психоз поисков вредительства, шпионажа, диверсий и тому подобных враждебных действий по отношению к государству. На фоне этого психоза шли аресты, велись следствия — как в НКВД, так и в органах прокуратуры. За ними шли судебные процессы, решения «особого совещания». В подготовке этих процессов и решений большую роль играли следователи. К сожалению, многие из них находились в фарватере господствовавшего тогда психоза: выслуживаясь, старались вырвать у подсудимых признания в несуществовавших преступлениях. Заканчивались эти драмы обычно расстрелами, длительными сроками заключения, высылкой в отдалённые районы.

В своих воспоминаниях мне хотелось обрисовать старшего следователя Ярославской области Кипарисова. Я не знаю, жив ли он сейчас, где трудится. У меня сложилось мнение, что это был следователь иного типа, руководивший своей совестью, и прежде всего — совестью. Он не видел преступлений там, где их нет, и в этом резко контрастировал с теми, кто раболепно и преступно выслуживался перед властью предрешающими.

В июле 1937 года я проводил отпуск на побережье Чёрного моря в Сухуми. Здесь же отдыхал с женой главный инженер Рыбинского моторостроительного авиационного завода. Мы часто встречались, беседовали.

Но одна из таких встреч не состоялась. В оговоренное ранее время мой товарищ не появился. Подождав немного, я пошёл к нему в номер. Но его я и там не обнаружил, а увидел совершенно расстроенную, плачущую его жену, которая сказала, что её мужа куда-то срочно вызвали и он внезапно ночью выехал. Говоря мне это, она путалась в подробностях, терялась, и видно было, что она говорит не то, что произошло на самом деле. На другой день и она покинула дом отдыха.

Я догадался, что её мужа арестовали. В те дни резко участились аресты среди инженерно-технических и руководящих работников промышленности. Осознав, что это случилось и с моим знакомым, я почувствовал себя как-то нехорошо, беспокойно; тревожные предчувствия охватили меня, и я решил поторопиться с возвращением домой.

Через несколько дней я выехал в Москву.

В то время я работал в Переславле-Залесском в должности главного инженера фабрики киноплёнки № 5, находившейся в ведении Госкомитета СССР по делам кинематографии. Я поступил туда на работу в апреле 1931 года по направлению Московского высшего химико-технологического училища по окончании фототехнологического факультета.

На фабрике подобрался энергичный молодёжный коллектив специалистов, в основном из числа выпускников бывшего фототехнологического отделения химического факультета МВТУ, вошедшего к этому времени в состав 2-го Московского химико-технологического института. Коллектив наш в дальнейшем пополнялся фототехнологами — выпускниками Военно-химической академии имени Ворошилова, Шосткинского химико-технологического института и Ленинградского фотокинетехникума. Возглавлял коллектив директор, рабочий-коммунист из Москвы, толковый энергичный человек Иван Степанович Смирнов. Техническое руководство принял на себя молодой выпускник химфака МВТУ Артавазд Овсепович Кондахчан, проявивший себя уже до этого способным эмульсионером на московских фабриках фотопластинок.

Когда приступили к освоению фабрики и выполнили основные технологические расчёты, то выяснилось, что при «расшивке» отдельных «узких мест» и некоторых дополнительных

мероприятиях мощность фабрики может быть удвоена с доведением выпуска киноплёнки до 40 миллионов погонных метров в год против первоначальных 20 миллионов. Но для этого требовалась реконструкция ряда цехов и установок.

Разработка проекта реконструкции была поручена только что созданному проектно-конструкторскому бюро ФОКХТ, во главе которого находился Борис Тимофеевич Толстогузов, большой энтузиаст советской киноплёнки. Проектная документация стала поступать с IV квартала 1935 года. После завершения годового плана производства фабрика была остановлена на реконструкцию. Предполагалось закончить её в течение шести месяцев. Но когда приступили к работам, выяснилось, что не был предусмотрен ряд необходимых крупных мероприятий. В результате работами по реконструкциям была охвачена вся фабрика.

На рубеже 1936—1937 годов по основному завершению реконструкции фабрика была пущена в ход. К этому времени подспели новые, играющие важную роль технологические разработки, например, ацетилцеллюлозный зеркальный слой для отлива на него нитроцеллюлозной основы плёнки, разработанный на фабрике № 8 под руководством иностранного специалиста Эмиля Фиша. Начались опыты по внедрению этой разработки на фабрике № 5. Первые результаты показали перспективность нового зеркального слоя и несомненные его технологические преимущества по сравнению с прежним, желатиновым. Однако опыты по его внедрению сопровождались вспышками паровоздушной смеси, приводившими к сгоранию плёнки в машине и к выходу машины из строя на длительное время. Цех приходилось выключать из работы на время восстановления аварийной секции, а прекращение выработки основы приводило к прекращению на это же время выпуска киноплёнки. Фабрику сильно лихорадило.

К сожалению, причина, вызывавшая эти вспышки, своевременно выявлению не поддавалась. Непонятным было, почему до этого, начиная с 1931 года, подобных вспышек не возникало. В чём же дело? Как их устранить, предупредить? Были подняты на ноги все специалисты, которые могли быть полезными для решения этой задачи; привлечены учёные из институтов, Академии наук... Отгадка в руки не давалась. Большинство учёных и производственников высказывалось за прекращение производства, пока не будет устранена причина вспышек. Против этой точки зрения высказался специалист по противопожарной профилактике из Ярославля (к сожалению, фамилию его я не запомнил). Он привёл следующие доводы в защиту своей позиции: если производство будет остановлено, то причину невозможно будет установить; найти её можно только при работе машин, она кроется в каких-то тонкостях процесса. Особой пожарной опасности эти вспышки сами по себе не представляют, подобные вспышки часто происходят в производстве резино-технических изделий на так называемых шпрединг-машинах, и никто из них прекращать производство не предлагает.

На нашей фабрике такие вспышки происходили в крайне тревожное время — в разгар психопатических поисков вредителей, шпионов и диверсантов, охвативших тогда всю страну. Находились и в Переславле-Залесском голоса, утверждавшие, что эти вспышки происходят по моей команде. Меня даже вызывали на очные ставки в НКВД.

К маю 1937 года вспышки сошли на нет, фабрика вошла в нормальный ритм работы.

Случилось так, что в это же примерно время на фабрику приехал заместитель председателя Комитета по делам кинематографии, ведавший работой кинематографических предприятий. Фамилию, имя и отчество его я не запомнил. Условно буду именовать его «В». Я его знакомил с производственными цехами и персоналом фабрики. «В» проявил ко мне, как мне тогда показалось, явную благосклонность, пообещал оказать содействие — получить для меня путёвку в престижный дом отдыха «Синоп» ЦИКа СССР в Сухуми.

Он также дал согласие на мой перевод в НИКФИ на научную работу.

Получив «благословение» от самого заместителя председателя Комитета, я взял отпуск и выехал из Переславля в Москву.

Я подхожу в своём повествовании к его началу, где я описал, как с тревожным настроением покинул дом отдыха.

За время отпуска я не получал сведений из Переславля и хотел узнать о делах на фабрике. С этой целью я решил зайти к начальнику УПП Кинокомитета Якову Наумовичу Левину. Левин оглушил меня, сообщив, что несколько дней назад всё руководство фабрики № 5 в лице директора Н. Н. Бахвалова, заместителя директора по общим вопросам С. И. Галкина, начальника строительства Л. В. Басова и главного инженера строительства Г. И. Зильберга, а также рабочий цеха рекуперации Козлов арестованы Ярославской областной прокуратурой по обвинению в контрреволюционном вредительстве. Аресты проводил старший следователь Яроблпрокуратуры Кипарисов, постоянное место пребывания которого — город Рыбинск.

— Следователь искал и вас, — сказал Яков Наумович. — Спрашивал ваш адрес. И я думаю, что вам целесообразно, не дожидаясь действий с его стороны, самому поехать к нему.

Надо было выяснить обстоятельства дела. Здесь, в Москве, я видел, что ничего не добьюсь, и решил последовать совету Я. Н. Левина и срочно выехать в Переславль, а оттуда — в Рыбинск для свидания с Кипарисовым.

На другой день я был уже в Переславле на фабрике № 5. Я прошёл прямо в кабинет директора, где застал за директорским столом моего доброго товарища И. Д. Головатенко, временно заменившего на этом месте арестованного Н. Н. Бахвалова. Головатенко рассказал мне, что во время моего отпуска на фабрике находился (от имени Кинокомитета) инспектор по кадрам, некий Рейзен; он составил акт о состоянии дел на фабрике № 5, который представил руководству Кинокомитета.

И. Д. Головатенко одобрил моё намерение ехать на встречу с Кипарисовым в Рыбинск.

Рано утром я уехал в Рыбинск, а днём был уже у Кипарисова. Он встретил меня шумно и, как мне показалось, обрадованно.

— Как хорошо, что вы приехали! — воскликнул он. — Вы очень хорошо сделали, что пришли ко мне сами!.. У меня к вам имеется ряд вопросов, мне надо с вами поговорить. Вам придётся задержаться здесь на несколько дней. Как у вас с гостиницей? Не нужна ли помощь с моей стороны?

Он позвонил в городскую гостиницу и заказал на моё имя номер.

После обеда продолжалось моё свидание с Кипарисовым. Он передал мне листок с вопросами, на которые мне надлежало дать ответы. Вопросов было несколько:

1. Преследовал ли я цель отравить акваторию реки Трубеж, Плещеева озера, когда дал указание слить в реку Трубеж крезолсодержащие сточные воды из колодца цеха рекуперации?

2. Преследовал ли я цель вызвать взрыв, устанавливая у цеха эмульсии коллоксилиновый фильтр для воды?

3. Какие контрреволюционные вредительские действия замечал я со стороны директора фабрики Н. Н. Бахвалова?

4. Какие контрреволюционные вредительские указания получил я от моего репрессированного отца?

Ответ на первый вопрос. В 1934 году, когда моим предшественником на посту главного инженера фабрики № 5 был Н. Н. Блонский, возник вопрос о вводе в действие цеха рекуперации растворителей, спроектированного и смонтированного германской фирмой «Хоминова» (по схеме абсорбации растворителей крезолом). Фирма предложила участвовать в наладке оборудования и пуске цеха, для чего надлежало пригласить её представителей. Но цена этого представительства была высокой, и Блонский взялся осуществить пуск цеха собственными силами.

Пуск цеха проходил в летнее время. Случилось так, что Блонский и начальник цеха Чернявский что-то недоучли и вместе со сточными водами из цеха рекуперации через канализационную трубу в Трубеж попало значительное количество крезола.

Утром, придя на работу, я узнал, что за прошедшую ночь на поверхность реки в разных местах всплыло значительное количество уснувшей рыбы. Эта рыба оказалась отравленной крезолом. Анализы её производились в химической санитарной лаборатории города. Анализами занимался хорошо известный мне лаборант П. Н. Горинов. Он сказал, что крезол обнаружен во всех взятых на анализ рыбах, всплывших на всём протяжении Трубежа от фабрики № 5 до Плещеева озера. По содержанию крезола эта рыба признана ядовитой и для употребления в пищу населением города непригодной. Приняты меры к срочному широкому оповещению населения города и прилегающих районов о запрещении до особого извещения лова, продажи и употребления в пищу рыбы из реки Трубеж и Плещеева озера.

В таком небольшом городе, как Переславль-Залесский, случившееся быстро переросло в сенсацию. Везде об этом только и говорили. Этот эпизод прочно вошёл в сознание населения и городских властей, и после него любой случай «задыхания» рыбы стал приписываться отравлению фабрикой № 5, хотя причины оказались совсем другие.

Когда после Блонского я был назначен главным инженером фабрики, меня неоднократно вызывали в городскую прокуратуру и требовали объяснений по каждому случаю всплывания уснувшей рыбы.

После случая отравления рыбы в 1934 году на фабрике № 5 было категорически запрещено сливать через канализацию крезолсодержащие сточные воды и принято решение вывозить их в затаренном виде наземным транспортом в специально отведённое место, где сливать их.

Это неуклонно выполнялось и строго контролировалось. Эпизодические анализы на крезол по течению реки Трубеж давали отрицательные результаты. Поэтому я в своих показаниях отвергал версию новых крезольных отравлений и выдвинул совершенно иную причину — кислородное голодание рыбы вследствие гниения на дне водоёма большой массы брёвен-топляков, теряемых транспортным хозяйством фабрики «Красное эхо» при сплаве по озеру и реке во время заготовки леса с Купанской лесосеки. Видимо, мои доводы казались убедительными, и вскоре меня перестали вызывать для дачи подобных объяснений.

Но в скором времени мне пришлось вновь с этим столкнуться. Однажды, придя утром на фабрику, я узнал, что канализационный колодец возле цеха рекуперации, в котором находились задвижки и трубопроводы крезолсодержащих стоков, полностью заполнен этими стоками. Что делать? Устранить неисправность можно, только удалив загрязнённую воду из колодца. Надо останавливать цех, вредные же выбросы паров растворителей направить в атмосферу. А фабрика расположена в самом центре города. Чтобы эвакуировать эту загрязнённую воду к месту, где разрешён её слив, с помощью коняги и бочек, потребовалось бы не менее 2—3 суток. Надо было прежде всего оценить, какое примерно количество крезола содержится в объёме воды, заполнившей колодец. Я дал распоряжение химической лаборатории ОТК сделать это. Анализ показал, что при данной концентрации во всём объёме скопившейся в колодце загрязнённой воды суммарное содержание крезола не превысит 100—150 граммов, и в таком обширном водоёме как река и часть озера (у впадения в него реки) это количество распределится и будет в десятки раз ниже так называемой предельной концентрации, то есть никакой практической опасности для водоёма и обитающей в нём рыбы нет.

Ни о какой попытке с моей стороны отравить население города, когда я отдавал распоряжение о сливе крезолсодержащей воды в канализацию, в этом случае не могло быть и речи.

Данное обвинение было совершенно беспочвенно и опровергалось аналитическими данными.

Ответ на вопрос 2. В связи с увеличением выпуска негативных сортов плёнки, в том числе авиаплёнок и кионегативных плёнок изопанхром, потребовалось увеличить производство негативных фотоэмульсий, требовавших, по существующей тогда технологии, повышенного расхода чистой водопроводной воды для их промывки. Эту воду фабрика №5 получала из сети городского водопровода; в ней и город, и фабрика ощущали недостаток. Вода поступала в городскую сеть из колодцев, вырытых по берегу Плещеева озера, и нагнеталась в сеть трубопроводов электронасосами. Увеличить подачу этой воды на фабрику не представлялось возможным без серьёзной реконструкции водозабора, насосной станции и сетей, так как это требовало проведения сложных согласований и дорогостоящих строительно-монтажных работ.

Мне пришла мысль воспользоваться известным опытом порохового завода имени Косякова и испытать для промывки эмульсин неочищенную воду из реки Трубеж, подвергнув её фильтрованию через слой коллоксилина. По моему заданию была разработана конструкция и изготовлен опытный экземпляр подобного фильтра, в котором возможность взрыва коллоксилина была полностью исключена тем, что он всегда находился затопленным (под водой), для чего выпуск воды из фильтра осуществлялся через И-образный водоотвод.

Поэтому данное обвинение против меня полностью несостоятельно и должно быть снято. (Можно отметить, что уже после моего ареста этот фильтр был испытан на фабрике, и по его образцу была изготовлена батарейная установка из нескольких таких фильтров, которая исправно служила в течение нескольких лет.)

О работе и поведении Н. Н. Бахвалова на производстве я написал, что могу дать только положительный отзыв, никаких вредительских действий с его стороны я не замечал.

О возможности получения указаний о вредительстве со стороны моего отца: я не допускаю даже самой мысли об этом. Правда, мой отец был репрессирован в марте 1937 года — он работал научным редактором картографического издательства Главного управления геодезии и картографии — о его судьбе мне в настоящее время ничего не известно, но я знаю его как исключительно честного и добросовестного человека и надеюсь, что его арест — это недоразумение (дело по обвинению моего отца 23 июня 1956 года было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР и постановление ОСО в отношении отца отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено).

Кроме указанных выше четырёх вопросов Кипарисов задал мне ещё несколько, на которые я старался дать исчерпывающие ответы. Мне казалось тогда, что Кипарисов был удовлетворён моими показаниями.

Казалось, инцидент был исчерпан и моё свидание с Кипарисовым подошло к концу. И действительно, меня отпустили. Но не успел я прийти в себя от пережитого, как вновь, прямо

на улице, был арестован и отправлен в камеру предварительного заключения. Теперь не понаслышке, а воочию я познал, что такое тюрьма: камера, юрцы (двухъярусные нары), на три четверти заложенные оконные проёмы с небольшим зарешеченным вверху отверстием, а главное, люди — на полу, на нарах, в жаре, духоте, постоянном шуме.

Здесь же, в тюрьме, я встретился с Г. И. Зильбергом.

А примерно через неделю вновь был вызван на допрос к Кипарисову. Оставшись на непродолжительное время вдвоём и воспользовавшись этим, Кипарисов сообщил мне, что он был в Ярославле и что Юрчук, областной прокурор, настаивает на предъявлении мне обвинений в контрреволюционной деятельности.

Меня познакомили с делом, где были собраны листы допросов некоторых знавших меня лиц, а также другие документы, в том числе клеветнический акт инспектора Кинокомитета Рейзена, обвинившего меня во вредительстве.

Я заявил Кипарисову, что всё обвинение против меня и Бахвалова построено на песке и что я настаиваю на проведении научно-технической экспертизы по пунктам обвинения. На что Кипарисов мне ответил: «Проведение экспертизы запрещено. Суд сам с помощью материалов следствия, показаний свидетелей разбирается в технических вопросах».

При знакомстве с делом я убедился, что большинство свидетельских показаний изложены справедливо и не направлены против меня. Кроме показаний бывшего моего заместителя по технике безопасности И. В. Качанова и городского санврача Карташевского. Их свидетельства были грубо клеветническими.

Уже после моего освобождения, осенью 1938 года я неожиданно встретился с Качановым в Москве. Он работал на заводе «Пластмасс» в Коптеве. Трудно сказать, для кого более неожиданной была эта встреча. Но одно могу сказать определённо: в расчётах Качанова не было места мне живому и невредимому. Ведь он сделал всё, чтобы меня уничтожить.

С Г. И. Зильбергом провёл я в Рыбинской тюрьме почти весь сентябрь. За это время прошло несколько негромких судебных процессов. Судили юного пастушка по обвинению в умышленном умертвлении колхозного коня, председателя колхоза вместе с зоотехником по обвинению в умышленном заражении колхозного стада бруцеллёзом; судили колхозника и его сына-подростка за то, что мальчик использовал для изготовления змея бумагу с портретом Сталина, и другие. Все приговоры были исключительно суровые.

Между тем стало известно, что меня, Зильберга и других арестантов будут переводить из Рыбинска в Ярославль, в знаменитую с 1905 года в этих местах тюрьму в Коровниках.

В конце сентября 1937 года нас с Зильбергом вызвали из камеры «с вещами» для включения в формирующийся этап на Ярославль. Этап был большой, более ста человек, но с 58-й статьёй нас было двое, поэтому нас, врагов народа, поставили в голове колонны.

Этап сопровождали конвоиры с оружием и собаками. Арестованные были предупреждены: «Два шага влево, два шага вправо — считается побегом. Стреляем без предупреждения».

...В Коровниках нас с Зильбергом разместили по разным камерам, чтобы два подсудимых, проходивших по одному делу, не находились вместе. Но в камере № 9, куда меня поместили, я встретился с Л. В. Басовым и С. И. Галкиным, то есть вместо двух обвиняемых по общему делу оказалось в одной камере трое.

Камера была огромной и переполненной. Около 100 человек находились здесь. «Старожилы» заняли нары, вновь прибывшие располагались на полу, вплотную друг к другу. По ночам спящих людей донимали крысы. Но и это было не самое страшное.

Девятая камера была средоточием нравственных страданий и унижений. В отношении заключённых допускались любые оскорбления и издевательства. Тюремные надзиратели очень беспокоились о том, чтобы «мы тюрьму хорошо почувствовали». Всякое притеснение заключённых со стороны низшей администрации поощрялось средним и высшим руководством.

В октябре 1937 года условия жизни были ужесточены. У заключённых были отобраны шашки, шахматы; проходившим по 58-й статье отказывали в медицинской помощи: «Всё равно вам долго не жить». По этой же причине больные зубы не лечили, а удаляли: «Зачем они вам?»

В камере политические заключённые находились вместе с уголовниками, что ещё более усугубляло положение первых.

Один из наших товарищей побывал в карцере. Всё под тем же девизом: «А то тюрьмы не почувствуешь». Вина Басова была ничтожной: лепил из мякиша хлеба шахматные фигурки, которые надзиратели изымали, а однажды начал вырезать куклу, чтобы занять себя чем-то.

Размещался карцер во дворе тюрьмы, в отдельном кирпичном здании, недалеко от корпуса № 2. Камера карцера представляла собой помещение полтора на полтора метра. Здесь

можно было стоять или сидеть. Стены и пол кирпичные, неоштукатуренные. Вверху имелось незаделанное отверстие, выполнявшее функцию окна и форточки.

Наказанного вводили в неотопливаемый карцер полураздетого. Верхняя одежда и обувь изымались. Кормили раз в день баландой, утром и вечером кружка кипятка и хлеб.

Басов провёл там недели 2—3. Когда он вернулся в камеру, на него страшно было смотреть.

Он рассказывал, что через окошко в стене карцера ему удалось увидеть, как ранним утром из подвала корпуса №2 выносили трупы расстрелянных и на грузовой машине увозили.

Некоторые процессы, участники которых находились в девятой камере, проходили с грубейшими нарушениями процессуальных норм: без экспертиз, без участия адвокатов, с крайней жестокостью выносимых приговоров — почти все они сводились к физическому уничтожению приговорённых.

Таким был крупный процесс обвинённых по делу фабрики «Красный перекоп». Подсудимых суд отказывался слушать, не принимались в расчёт никакие объяснения. Все попытки подсудимых дать разъяснения прерывались фразой: «Суду всё ясно и понятно».

Закончилось это судопроизводство трагически. Никто из проходивших по этому делу в камеру не вернулся. После суда они были помещены в камеру смертников.

За этим процессом последовал ряд других. Но особенно запомнился процесс Мелькомбината. По этому делу привлекалась группа в семь человек, во главе которой стоял директор по фамилии Левин, кавалер ордена Красного знамени, участник гражданской войны. За ним следовал молодой 25-летний главный инженер и другие. Дело Мелькомбината квалифицировалось по статье 58-7 (вредительство). Левин и его товарищи рассказывали о ходе процесса: судьи не хотели вникать в обстоятельства дела, в проведении экспертизы отказали и ограничивались известным уже нам заключением: «Суду всё ясно и понятно».

...После суда в камеру они не вернулись. Мы поняли — расстрел. Левина и других поместили в камеры смертников, расположенные этажом ниже. Ночью пришли охранники и взяли личные вещи осуждённых.

Позже мы узнали, что молодой главный инженер обращался к М. И. Калинину, и ему расстрел был заменён 25-ю годами заключения.

Мучительно было наблюдать все эти события, невольно примериваться к ним, ждать своей участи при создавшейся в Ярославской юстиции обстановке. Перспектива приговора к расстрелу противно и скользко вползала в сознание.

Мы, переславцы, ждали решения своей участи. А через некоторое время стало известно, что суд по делу фабрики №5 перенесли на более поздний срок, так как в деле смешаны контрреволюционный и бытовой элементы. Суд не принял дело и потребовал его переоформления.

В это время готовилось к выходу Постановление ЦК ВКП(б) «О перегибах в практике рассмотрения судебных дел». Результатом действия этого Постановления были изменения в составе ярославской прокуратуры, в частности, был смещён прокурор Юрчук.

...Дело переславцев было передано новому следователю, который назначил проведение технической экспертизы, ранее нам отказанной.

Заключение экспертов было сделано полностью в мою пользу.

29 апреля мне сообщили, что принято решение освободить меня из-под стражи, так как дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Итак, восемь долгих месяцев позади. Позади месяцы тревоги, страха, ужаса от близкого соседства со смертью. Оглядываясь назад, понимаешь, что выдержать всё, не сломаться помогла вера в торжество справедливости, хотя при тех обстоятельствах это равнялось чуду.

Жизнь заставила многих показать своё истинное лицо, экстремальность ситуаций обнажала суть человеческих характеров, диктовавших свои требования к поступкам.